Эдмунд Матер

Солдат

Солдат-отпускник уходил от тюремно-лагерных ворот, которые находились в семи тысячах километров от его постоянного места службы. Шапка, шинель и чёрные* полоски погон были припорошены снегом. Колонна заключённых, в которой был и отец солдата, не задерживая шаг, дружно повернув головы, смотрела ему вслед.

Конвоир колонны, тоже солдат срочной службы, но только с кроваво-красными* погонами на плечах, передёрнув затвор и направив ствол автомата в спину уходящего, повторно скомандовал: «Стой! Стрелять буду!». Стук металла и человеческий голос слились в один лающий звук.

– Стреляй в спину! Гад! Краснопогонник!

Солдат шагал, как бывало у себя на плацу, строевым шагом. Оттянутый носок. Нога прямая, как палка. Грудь вперёд. Солдат ждал выстрела в спину. Солдат даже желал этого.

– Почему? Как такое может быть?

Парень рос, как и все на селе в Сибири – здоровым, спокойным и добродушным. Верил в справедливость и равноправие. В армию уходил через двадцать лет после окончания второй мировой войны. Собирался на службу без всяких дурных мыслей. Даже обрадовался тому, что служить придётся на Дальнем Востоке. Романтичный по натуре, он мечтал воочию увидеть уссурийскую тайгу и Тихий океан.

Первые месяцы службы были самыми тяжёлыми. Командир отделения попался из породы «кровососов». Пустыми придирками доводил до бешенства. Приходилось терпеть. После карантина* стало легче. Дальние рейсы и командировки следовали один за другим. Каждодневная изнурительная муштровка отошла в прошлое.

Обстановка по всему Приморью была напряжённая, и автомобильный транспорт – нарасхват. Война с огромным по территории и населению сопредельным государством официально нигде объявлена не была, но, тем не менее, постоянно требовала немалых материальных ресурсов.

Укрепрайоны!* росли по государственной границе, словно грибы, а весь строительный материал, живая сила и вооружение доставлялись в самые труднодоступные места автомобильным транспортом. Не все водители выдерживали нагрузки. Засыпали уставшие парни за рулём прямо на ходу, и короткий сон нередко заканчивался трагедией.

Погибали солдаты не только на дорогах. Конфликты на границе и в приграничной зоне в то время не были редкостью. Нарушители границ шли не всегда в одиночку. Прорывались иногда и целыми организованными отрядами и, естественно, шли эти люди не на прогулку. В каждой такой стычке гибли не только нарушители, но и защитники рубежей. Именно в это кризисное время небольшой остров на одной из самых больших дальневосточных рек смыли с лица земли водяными пушками, и этим самым было уничтожено ещё одно «яблоко раздора».

Пунктир «горячих точек» тянулся от Средней Азии до самого Тихого океана и везде, на всех опорных пунктах, гибли молодые парни, уверенные в том, что они здесь на дальних рубежах, прикрывают собой свой родной дом и своих родных.

Эрвин радовался тому, что не надо больше маршировать, как марионетка, по плацу. Шоферить для него – дело привычное: крути баранку! И за спину смотреть не надо, потому что строгие надсмотрщики остались на территории воинской части. С усталостью справлялся по-своему – сочинял фантастические истории. Офицеры и прапорщики, сопровождающие груз, были, как правило, неплохие люди. Часто угощали домашней снедью, приготовленной жёнами. Рассказывали о своей жизни, проблемах и радостях. В разговорах и мечтах дальние многочасовые поездки проходили быстрее. Бежали дни, месяцы.

Через год за хорошую службу Эрвина наградили отпуском. Расстояние в семь тысяч километров одолел за двое суток самолётом, поездом, автобусом.

А дома солдата ждала не радость встречи с родными, а страшная новость. Не хотела мать огорчать его, и поэтому не сообщила об аресте отца.

Новость не просто ошеломила солдата, она словно парализовала все чувства. Мать долго уговаривала сына поесть с дороги. Ел любимое домашнее блюдо, словно траву. Весь вечер мать, словно на исповеди, рассказывала сыну об аресте отца, суде-фарсе и о том, что ей тоже присудили три года условно с вычетом из зарплаты двадцати пяти процентов в пользу государства.

«Государственным преступлением» оказалось то, что она в свободное время, по вечерам, обучала соседских детишек шитью и вязанию, напевая при этом немецкие народные песни или читая из книг занятные истории и сказки. Мать рассказала и о том, что отец, который не принимал никакого участия в так называемых «нелегальных занятиях», взял всю вину на себя. Во время следствия вызывали мать несколько раз на очную ставку, но отец настоял на своём и убедил следователя в том, что именно он, глава семьи, организовал так называемые запрещённые курсы…

Первая ночь в родном доме прошла в кошмарах. Снились китайцы-хунвейбины с бамбуковыми палками в руках, избивающие отца до смерти. От собственного крика просыпался. Вставал, пил воду. Ложиться в постель не хотелось, но, боясь тревожить мать, которой рано утром нужно было на работу, выключив свет, замирал на кровати, уставившись взглядом в темноту. Мысли роились, метались:

– Где выход?

– В чём виноват отец перед государством?

– Разве это преступление – учить детей вечерами мастерить поделки?

– Читать детям стихи, сказки или псалмы – это преступление?

– Я, его единственный сын, ни разу не слышал от него призывов против правительства. Откуда же вдруг взялись эти вздорные обвинения? Завтра же поеду в город, где находится лагерь заключения, и поговорю с начальством!

Эрвин не знал, что государственная машина многоуровневая, а он, его отец и мать являются лишь нижними подпорками всей пирамиды диктаторского режима. Подпорками, которые вышибают, если считают их отработанными или просто ненужными; подпорками, которые могут служить в другом месте более продуктивно. Лагерями для заключённых, в одном из которых находился теперь и отец солдата,

затыкали «умные» руководители государства многие прорехи в государственном хозяйстве и экономике.

Не допустили воина-дальневосточника к высокому начальству для разговора, и, естественно, разрешения на внеочередное свидание он тоже не получил. Командир охраны лагеря даже припугнул его: «Будешь ещё долго шляться здесь, сделаю отметку в отпускном билете о недостойном поведении, и второй отпуск не видать тебе, как собственных ушей».

Солдату хотелось хотя бы издалека взглянуть на отца. Родственники осуждённых, приехавшие на очередные свидания, объяснили ему, что вечером всех заключённых выводят из промышленной зоны в жилую зону, и именно в этом месте можно издалека посмотреть на колонну.

Целый день провёл на ногах вблизи промышленной зоны лагеря, гадая о том, узнает ли отца в общей массе.

Ворота открылись. Показалась голова колонны: пять человек в каждом ряду, и все на одно лицо. Впереди и по бокам, недалеко от заключённых, с очень знакомыми «АКМ»* в руках, шли солдаты.

– Не первый год служит, поймёт меня, – определил Эрвин, глянув на ближайшего к нему охранника, и боком, путаясь в длинных полах шинели, шагнул к колонне.

– Сынок! Уходи!

Голос отца заставил вздрогнуть, задержать шаг.

– Стоять!

– Стой!

Два голоса раздались одновременно: злобный – конвоира, предостерегающий – отца.

Эрвин недоумённо глянул на солдата охраны: «Свой ведь, может даже годок*, неужели не понимает меня? Мы ведь одну форму носим, не беда, что погоны разного цвета».

Конвоир, до которого оставалось не более двадцати шагов, поднял автомат до уровня груди и положил большой палец правой руки на флажок предохранителя.

Этот жест был Эрвину знаком, не единожды проделывал его сам, но не верилось, что солдат-конвоир будет стрелять в своего, в него, в солдата. Сделал ещё несколько шагов в сторону колонны.

Палец конвоира нервно дёрнул флажок предохранителя, поставив этим самым оружие на боевой взвод. Смерть глянула, как уже много раз на «горячих точках», на воина-дальневосточника чёрным, дульным зрачком.

Ноги, подчиняясь уже не разуму, а чему-то подсознательному, проделали знакомый чёткий разворот на сто восемьдесят градусов, а глаза заполнились до краёв слезами:

«Как жить дальше?»

Вслед солдату неслась злая брань охранников и громкое клацанье затворов, но выстрелы не прозвучали. Очевидно, солдатская форма всё же оказалась своего рода щитом, по которому конвой не посмел открыть огонь на поражение.

По лицу Эрвина била жёсткая крупа мокрого снега.

Ноги несли, уносили враз повзрослевшего парня-солдата, и не парня уже, а мужчину, прочь от лагеря заключённых, где суждено было пробыть ещё почти три года его отцу, отцу солдата, отцу защитника Отечества.

**Чёрные погоны – технические войска.*

**Тёмно-красные погоны – внутренние или милицейские войска.*

**Карантин – трёхмесячный курс молодого бойца, после которого новобранцев распределяли по местам постоянной военной службы.*

**Укрепрайоны – многоэтажные сооружения из железобетона, снабжённые над поверхностью земли амбразурами и бойницами и всеми видами огнестрельного оружия вплоть до артиллерии большого калибра. Подсобные помещения располагались далеко под землёй.*

**Годок, годки – солдаты одного призыва.*

**АКМ – автомат Калашникова, модернизированный.*

Edmund Mater

Der Soldat

Der beurlaubte Soldat verließ das Gefängnistor, das sich etwa siebentausend Kilometer von seinem unmittelbaren Dienstort befand. Der Dienstmantel und die schwarzen Streifen auf der Schulterklappe waren mit Schnee bedeckt. Der Konvoi der Gefangenen, unter denen sich auch sein Vater befand, wandte ohne den Schritt zu verlangsamen den Kopf und schaute ihm nach.

Der Aufseher der Kolonne, ebenso ein Militärsoldat, aber mit blutroten Streifen auf der Schulterklappe, zog den Rückverschluss und wiederholte: Halt! Ich schieße! Das Klopfen des Metalls und die Menschenstimme verschmolzen zu einem donnernden Laut.

Schieß mir in den Rücken! Schuft! Du, mit deinen roten Streifen!

Der Soldat marschierte weiter, wie früher auf seinem Übungsplatz im Stechschritt. Den Zeh angezogen. Das Bein gerade, wie ein Stock. Die Brust nach vorne. Der Soldat wartete auf den Schuss in den Rücken. Er wünschte es sich sogar.

Warum? Wie kann so etwas sein?

Der Bursche wuchs friedlich und fröhlich wie alle, in einem Dorf in Sibirien auf. Er glaubte an Gerechtigkeit und Gleichheit. Zum Militärdienst wurde er nach zwanzig Jahren als der zweite Weltkrieg schon vorbei war, einberufen. Er bereitete sich auf den Dienst ohne jegliche schlechten Gedanken vor. Er freute sich sogar, dass er im fernen Osten dienen wird. Als Romantiker geboren, träumte er von der Bekanntschaft mit der Ussuri-Taiga und dem Stillen Ozean.

Die ersten Monate beim Militär waren die schwierigsten. Der Einheitskommandeur war einer von den Blutsaugern. Mit leeren Nichtigkeiten konnte er einen auf die Palme bringen. Aber man musste ihn dulden. Nach der Quarantäne war schon alles leichter. Eine Dienstreise nach der anderen folgte, man war immer länger unterwegs. Die täglichen, erschöpfenden Übungen auf dem Militärplatz waren vorbei. Die Lage im gesamten Küstengebiet war angespannt und der Autotransport gefragt. Ein Krieg, auf dem riesigen

bevölkerten Territorium war offiziell nicht angesagt, doch die Lage verlangte trotzdem ihre materiellen Ressourcen. An der staatlichen Grenze schossen Festungsgebiete wie Pilze aus dem Boden und das Baumaterial sowie Arbeitskräfte und Ausrüstung wurden an die abgelegenen Orte mit Autos transportiert. Nicht jeder Fahrer verkraftete diese Anstrengung. Oft schliefen die erschöpften Jungs am Lenkrad ein und ihr kurzer Schlaf endete dann in einer Tragödie. Die Soldaten kamen nicht nur unterwegs ums Leben. Konflikte an der Grenze und im Grenzgebiet waren damals an der Tagesordnung. Selten machten sich Eindringlinge allein auf den Weg. Manchmal wanderten ganze feindliche Einheiten zur Grenze, selbstverständlich war es auch für diese Menschen kein Spaziergang. Bei jedem Zusammenstoß kamen nicht nur Eindringlinge ums Leben, sondern ebenso viele Grenzverteidiger. Genau in dieser Krisenzeit wurde eine Insel in einem der größten Flüsse mit Wasserkanonen vernichtet und damit auch der „Apfel der Zwietracht“. Die gepunktete Linie auf der Karte verlief von Mittelasien bis zum Stillen Ozean und überall, an jedem Standpunkt, kamen jungen Männer ums Leben und alle waren festen Glaubens, dass sie hier ihre Heimat, ihr Haus und ihre Nächsten verteidigen.

Erwin freute sich, dass er nicht mehr, wie eine Marionette auf dem Platz marschieren musste. Am Lenkrad sitzen machte ihm nichts aus – man musste ja nur lenken. Man musste auch nicht zurückschauen – die strengen Aufseher befanden sich auf dem Territorium der Truppe. Gegen die Müdigkeit kämpfte er mit eigenen Mitteln – er dachte sich aufregende Geschichten aus. Die begleitenden Offiziere und Fähnriche waren in der Regel keine schlechten Menschen. Sie bewirteten ihn oft mit hausgemachten Naschereien, erzählten von ihrem Leben, den Problemen und Freuden. In Gesprächen und Träumen schienen die mehrstündigen Fahrten schneller vorbei zu sein. Schnell vergingen Tage und Monate.

Für seinen guten Dienst erhielt Erwin seinen ersten Urlaub. Mit dem Flugzeug, dem Zug und Bus schaffte er den Heimweg, der siebentausend Kilometer lang war, in zwei Tagen.

Anstatt eines fröhlichen Wiedersehens mit den Nächsten erwartete den Soldaten zu Hause eine schreckliche Nachricht. Die Mutter wollte ihn nicht betrüben und erzählte ihm nichts vom Arrest des Vaters. Die Nachricht erschütterte ihn nicht nur, sondern lähmte auch alle seine Gefühle. Lange redete die Mutter auf ihn ein, damit er sich nach der anstrengenden Reise ein wenig hinlegte. Das leckere Essen nahm er mit einem Gesichtsausdruck zu sich, als hätte man ihm Gras aufgetischt. Den ganzen Abend, wie in der Beichte, erzählte ihm die Mutter von dem Arrest des Vaters, über die Gerichtsfarce und davon, dass man auch sie mit drei Jahren Bewährung und zwanzig Prozent Gehaltsabgabe zugunsten des Staates bestraft hat.

Das „Staatsverbrechen“ bestand darin, dass sie abends in ihrer Freizeit den Nachbarskindern das Nähen und Stricken beibrachte und dabei deutsche Volkslieder sang oder aus Büchern unterhaltsame Geschichten und Märchen vorlas. Die Mutter teilte ihm auch mit, dass Vater, der an diesem „illegalen“ Unterricht in keiner Weise teilgenommen hatte, die ganze Schuld auf sich nahm. Während der Ermittlungen hatte man Mutter einige Male zur Gegenüberstellung kommen lassen, doch Vater hielt fest an seiner Aussage und überzeugte den Ermittler, dass er als Familienoberhaupt diese sogenannten illegalen Kurse organisierte.

Die erste Nacht im Elternhaus war ein Albtraum. Er träumte von den Chinesen-Hunweibins, die mit Bambus-Stöcken in den Händen Vater zu Tode prügelten. Dann erwachte er von seinem eigenen Schrei, stand auf und trank etwas Wasser. Er wollte nicht ins Bett gehen, doch aus Angst, Mutter zu stören, die früh am Morgen zur Arbeit musste,

knipste er das Licht aus, lag bewegungslos im Bett und starrte in die Dunkelheit. Die Gedanken in seinem Kopf schwirrten wie ein Bienenschwarm.

Wo ist der Ausweg?

Womit hat sich Vater beim Staat verschuldet?

Was ist Verbrecherisches daran, den Kindern abends die Handarbeit beizubringen?

Den Kindern Gedichte, Märchen oder Psalmen vorlesen – ist das ein Verbrechen?

Ich, sein einziger Sohn, habe nicht einmal Protest von ihm gegen die Regierung gehört.

Woher kamen denn plötzlich diese unsinnigen Beschuldigungen? Morgen früh fahre ich in die Stadt, wo sich das Straflager befindet und spreche mit der Obrigkeit!

Erwin wusste nicht, dass der Staatsapparat vielschichtig ist und er, sein Vater und die Mutter nur die unteren, winzigen Stützen der ganzen Pyramide des Diktatorenregimes sind. Stützen, die man wegwirft, wenn man glaubt, sie haben abgedient oder wenn sie einfach nicht mehr gebraucht werden. Stützen, die an einem anderen Ort effizienter dienen können. Mit solchen Straflagern, von denen eines jetzt auch den Vater des Soldaten eingesperrt hatte, stopfte die „raffinierte“ Staatsleitung viele Risse der staatlichen Wirtschaft und des Haushaltes.

Dem Soldaten des Fernostens gewährte man kein Gespräch mit der Obrigkeit, selbstverständlich erhielt er auch keine Erlaubnis auf ein außerplanmäßiges Wiedersehen mit Vater. Der Befehlshaber des Lagers versuchte sogar ihm Angst zu machen: „Wenn du dich noch lange hier herumtreibst, verpasse ich dir eine Eintragung über dein würdeloses Verhalten in deinem Urlaubsschein, dann wirst du niemals einen zweiten Urlaub bekommen.“

Der Soldat aber wollte seinen Vater wenigstens aus der Ferne sehen. Verwandte der Gefangenen, die zu einem planmäßigen Treffen gekommen waren, erklärten ihm, dass man abends alle Gefangenen aus der Industriezone in die Schlafzone zurückführen wird und dass man genau an dieser Stelle die Kolonne beobachten kann.

Er verbrachte den ganzen Tag auf den Beinen in der Nähe der Industriezone und überlegte, ob er seinen Vater in der Masse erkennen wird.

Die Toren öffneten sich. Der Kopf der Kolonne kam näher, fünf Menschen pro Reihe und alle sahen gleich aus. Vorne und an den Seiten der Gefangenen gingen Soldaten mit Kalaschnikows in den Händen.

Nicht das erste Jahr dient er hier, wird mich schon verstehen, - überlegte sich Erwin und ging stolpernd, in seinem langen Militärmantel auf den nächsten Aufpasser zu.

Mein Sohn! Bleib weg!

Er zuckte zusammen beim Laut der Stimme seines Vaters und ging langsamer.

Stehen bleiben!

Halt!

Zwei Stimmen waren gleichzeitig zu hören – die böse, des Befehlshabers und die warnende, des Vaters.

Bestürzt schaute Erwin den Wachsoldaten an: „Ist doch einer von uns, vielleicht so alt wie ich, wieso versteht er mich nicht? Wir tragen auch die gleiche Uniform, nicht schlimm, dass seine Schulterklappen anderer Farbe sind.“ Der Wächter, zu dem es nicht mehr als zwanzig Schritte waren, hob sein Gewehr, legte den großen Finger der rechten Hand auf die Sicherung. Diese Geste war Erwin gut bekannt, er machte dasselbe schon mehrmals, nahm jedoch nicht wahr, dass der Soldat, der Geleitposten auf einen der Seinen, einen Soldaten schießen würde. Er machte noch paar Schritte in Richtung Kolonne.

Der Finger des Begleitposten betätigte nervös die Sicherung, womit er das Gewehr zum Abdrücken vorbereitete. Wie schon so oft in den Krisenzonen, schaute der Tod mit seinem schwarzen Auge aus der Mündung des Gewehrs den Krieger aus dem fernen Osten an.

Die Beine folgten dem Verstand nicht mehr, etwas Unbewusstes trieb ihn, er drehte sich um hundertachtzig Grad um und seine Augen füllten sich bis zum Rand mit Tränen:

„Wie soll es weiter gehen?“

Schimpfworte der Geleitposten und lautes Klirren der Sicherungen ertönten hinter ihm, aber es fielen keine Schüsse. Offenbar diente die Soldatenuniform als eine Art Schild, auf das sich keiner der Geleitposten traute, das Bekämpfungsfeuer zu öffnen.

Rauer, nasser Graupelschauer schlug Erwin ins Gesicht.

Die Beine trugen ihn, trugen den plötzlich erwachsen gewordenen jungen Soldaten, nicht mehr den Jungen, sondern einen Mann, weit weg vom Gefangenenlager in dem sein Vater noch drei Jahre verbringen musste, der Vater des Soldaten, der Vater des Verteidigers des Heimatstaates.

Aus dem Russischen von Rose Steinmark/Münster, Deutschland